

И. А. Липилина

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРЕДМЕТОВ АЛЕУТСКОЙ КУЛЬТУРЫ. ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ БУБНА

В течение 2020–2022 гг. И. П. Вьюев и И. А. Липилина по заказу Государственного природного биосферного заповедника «Командорский» осуществили реконструкцию некоторых предметов алеутской культуры. В данной статье речь пойдёт о командорском бубне, технологии и методах его изготовления – выборе древесины, гнутье, подготовке кожи, обтяжке. В музейных коллекциях сохранилось три командорских бубна – в Хабаровском краевом музее, Краковском этнографическом музее (Польша), и Смитсоновском институте (США). Были использованы фотографии этих предметов, а также привлечён параллельный этнографический материал, описание и фото аналогов. Работа носила прикладной, исследовательский характер, ставила своей целью отработку технологии, а не создание точной копии музейного предмета.

Ключевые слова: алеуты, бубен, реконструкция, традиционная культура, Командорские острова.

I. A. Lipilina

THE RECONSTRUCTION OF THE OBJECTS OF THE ALEUTIAN CULTURE. MANUFACTURING TECHNOLOGY A TAMBOURINE

During 2020–2022 by order of the State Natural Biosphere Reserve "Komandorsky" Vyuev I. P. and Lipilina I. A. reconstructed some objects of the Aleutian culture. This article will focus on the commander's tambourine, the technology and methods of its manufacture - the choice of wood, bending, preparing the skin, tight. Three Commander tambourines have been preserved in museum collections - in the Khabarovsk Regional Museum, the Krakow Ethnographic Museum (Poland), and the Smithsonian Institution (USA). Photographs of these objects as well as parallel ethnographic material, descriptions and photographs of analogues were used. Our work was applied, research in nature, aimed at developing technology, and not creating an exact copy of a museum object.

Keywords: The Aleut, tambourine, reconstruction, traditional culture, the Commander Islands.

Вьюев Илья Павлович (21.11.1944–11.02.2022), художник, скульптор, жил и работал на Командорских островах с 1986 до 1993 г. (в 1989–1993 гг. директор Алеутского культурного центра). Автор ряда декоративно-прикладных художественных изделий в кости, дереве, камне и в иных природных материалах. Некоторые его работы по воссозданию аутентичной алеутской мелкой пластики и масок, а также авторская анималистика хранятся в Алеутском краеведческом музее в с. Никольском (на острове Беринга) и в Камчатском краевом объединённом музее в Петропавловске-Камчатском.

В 2019–2022 гг. благодаря научно-исследовательским работам отдела сохранения историко-культурного наследия Государственного природного биосферного заповедника «Командорский» начата работа по реконструкции предметов алеутской культуры. Начальник отдела Н. А. Татаренкова предоставила подробные материалы: технические снимки и описания командорских предметов из собраний музеев Петербурга, Хабаровска, Кракова, а так-

же свои работы по их исследованию, в том числе ещё не опубликованные. Мы также провели анализ визуального и описательного материала из каталогов коллекций Кунсткамеры и интернет-ресурса.

Эта работа носила в первую очередь исследовательский характер. Мы не ставили своей задачей точное копирование той или иной единицы музейного хранения. Зачастую, придерживаясь описания конкретного предмета и серии его фотографий, сделанных в разных ракурсах, беря его за образец и стремясь повторить основные его размеры и особенности, мы привлекали и параллельный этнографический материал, описание и фото его аналогов. Для того чтобы сделать точную копию аутентичного предмета из музейной коллекции, потребовался бы другой уровень организации – договорённости между организациями, точные промеры каждого отверстия, изгиба, пропорций, замеры толщины, веса и иных параметров, изучение свойств используемого материала и работа с предметами самих мастеров, чьи руки будут делать сам реконструируемый предмет.

Так как никакая, самая хорошая фотофиксация не заменит визуального осмотра, личного опыта работы с предметами материальной культуры и интуитивного проникновения в логику прежних мастеров. Было бы также необходимо привлечение узких специалистов для определения сортов древесины и биологических видов животных, чьи жилы, волос, кожа и кишечный материал были использованы.

В процессе воссоздания очень близкого, похожего на оригинал предмета мы стремились понять суть предмета, воссоздать методику обработки и последовательность сборки, додумать то, что не могло быть зафиксировано на фото или было утрачено. Было важно почувствовать логику мастеров прошлого и даже погрузиться в духовную сущность вещи. Руки мастера, становясь буквально инструментом познания, создавали собственный предмет – так же, как когда-то это делали алеуты XIX в. Нужно было заставить предмет «работать», чтобы он не стал формальным повтором и бутафорией. Бубен должен был «запеть», металлическая дощечка – удобно лечь в руку, бобровая стрелка – соответствовать дощечке, лететь и попадать в цель. В процессе работы над каркасами байдары и байдарки возникали вопросы, почему прежние мастера делали их именно так, в чём смысл, в том числе мореходный, того или иного узла и что их отличает от лодочного строительства других северных народов. Не на все эти вопросы удалось ответить. «Прикладная этнография» – длительный процесс, требующий испытания в полевых условиях, повторов с небольшими изменениями и сравнения с аналогичными предметами родственных культур. В случае с байдарой и байдаркой очень желательным было бы воссоздание настоящих, полноразмерных лодок разных типов и их функциональной проверки.

Первым предметом, который мы стали воссоздавать, пользуясь фотографиями, описанием и разработками Н. А. Татаренковой, был командорский бубен. В 2018 г. камчатский мастер Николай Егорович Инданов создал первый вариант утраченного командорского бубна, но сделанный им предмет по некоторым параметрам отличался от музейных образцов, в частности, он принял неудачное решение использовать березу, и инструмент получился тяжелым [3, с. 187]. Работа требовала продолжения и новых поисков.

В музейных коллекциях сохранились три командорских бубна – в Краковском этногра-

фическом музее (МЕК 30705), Хабаровском краевом музее (ХКМ 2794) и Смитсоновском институте, США (NMNH. E73020). В музейных описаниях предметов значились в качестве материалов, из которых изготовлены бубны, канадская сосна и «сивучья кожа», кишечный материал сивуча – мочевого пузыря или желудка. В условиях мастерской И. П. Вьюева, находящейся в Подмоскowie, найти подобные материалы было невозможно. Сивуч как краснокнижный вид давно не добывается, а канадская сосна не экспортируется в Россию. Требовался эксперимент.

Мы стали подбирать древесину для гнутья обода (обечайки).

Древесный материал, который использовали алеуты, был совершенно иной, чем тот, который мы могли найти. Он был преимущественно выбросным, а вся выбросная древесина проходила обработку временем, просаливалась, неоднократно вымокала и высыхала, максимально деформировалась, то есть, по сути, становилась выдержанной. Ей уже не грозила та деформация, которой подвержены абсолютно все свежие доски. Достать именно канадскую сосну не удалось. Тем более что под этим названием скрывалось несколько видов растений. Однако океан приносил на острова самую разную древесину. Кроме канадской сосны, алеутский мастер мог воспользоваться и другими видами деревьев, произрастающих на берегах Северной Пацифики. Это позволило нам искать замену. Мастер-алеут мог выбрать на берегу подходящие по размеру и толщине корни и «кокорини» (*толстая часть ствола дерева, непосредственно над корнем и корневищем.* – И. Л.). В корнях деревьев нет лигнина, нет сучков, по которым древесина ломается, этот материал легко гнуть. Мы сделали несколько попыток найти в лесу среди выворотней хорошие прямые участки корней для обода, но эта попытка не увенчалась успехом. Слишком сильная извитость корней в нашей почве не давала выдержать плоскость бубна. Согнутый обод должен быть жёстким в рабочей плоскости, чтобы сопротивляться натяжению высушенной кожи и обеспечивать её упругость при ударах.

Проблема поиска подходящего материала заключалась также и в том, что по всем технологическим особенностям европейские хвойные породы (ель, сосна и другие) считаются наилучшими для гнутья. Наилучшие – берёза, ясень и иные лиственные породы. Именно поэтому, вероятно, мастер Инданов выбрал для создания

первого экспериментального бубна берёзу, а диаметр бубна сделал достаточно большим.

Наши первые попытки согнуть обод для бубна небольшого размера из хвойных пород оказались неудачными. Рейки из сосны и ели при сгибании трескались, ломались, деформировались как по наружному, так и по внутреннему диаметру. Далее мы стали пробовать иные виды деревьев, отыскивая доски нужного качества на рынках драгоценной древесины. Но на таких рынках в России представлены в основном африканские и южно-американские породы. Они для наших целей не подходили. В продаже не было тех видов деревьев, которые могли быть доступны жителям Алеутских и Командорских островов: американских красnodеревых пород (канадская сосна, кипарис нутканский, туя складчатая и другие [4, с. 44–45]), а также пригодного для гнутья тиса остроконечного. Последнее произрастает на Дальнем Востоке и теоретически могло оказаться в выбросах благодаря действующим южным течениям. Высокая степень допущения в выборе древесины показалась нам возможной ещё и потому, что уверенно определить, из какой породы дерева сделан предмет, может лишь специалист-дендролог. А такие исследования на драгоценных и малочисленных музейных предметах невозможны в принципе.

Наконец нам удалось подобрать и удачно согнуть рейки из двух видов хвойных пород – лиственницы и кедра, а также из одной лиственной породы – цедера, или цедрелы (*Cedrela odorata*). Все они были прямослойны, без сучков. Про цедер надо сказать особо. Это американское дерево ещё называют «испанский кедр». Вид произрастает в тропических зонах от Мексики до Аргентины, имеет характерный, похожий на хвойный, запах древесины и со временем краснеет. Тихоокеанские течения вполне могли занести лиственницу, кедр и цедер на побережья Алеутских островов.

Для гнутья нами было сделано два специальных приспособления. Первый – жёсткий обод нужного размера. Сначала этот обод у нас был металлическим, а инструментом притягивания служили струбцины или широкая резина. Но опыт показал, что металл быстро отнимает тепло у распаренного перед гнутьём дерева. Струбцины сдавливают древесину, оставляя в ней следы в виде сильных вмятин. А резина неудобна и слаба для поставленной задачи. Поэтому был сделан невысокий (около 6–7 см) деревянный цилиндр искомого диаметра.

Цилиндр жёстко соединили с подставкой, в ней проделали отверстия вдоль предполагаемого основания обечайки. Обод будущего бубна сгибали вокруг цилиндра, а в отверстия подставки забивали деревянные клинышки. Это обеспечивало быстрое и равномерное натяжение сгибаемой рейки.

Вторым стало приспособление для распаривания реек – термотруба. Длинная пластиковая труба с термоизолирующей обмоткой, отверстием в центре для шланга и пробками с обеих концов. Шланг шёл к скороварке, дающей на выходе сильную струю пара. Трубу ставили несколько наклонно, чтобы вода при остывании пара стекала вниз. В неё на деревянных подставочках разместили предварительно вымоченную рейку.

Сначала остановлюсь на технологии гнутья

1. Выбранная доска (прямослойная, высушенная, без сучков и дефектов) распилывалась электроинструментом на рейки 3х1,1 см. Для бубна диаметром 37–38 см требовалась длина рейки 120–130 см, то есть немного больше, чем длина окружности обода. Разница учитывала соединение краёв обода внахлёт и обработку торцов рейки (возможно соединение другого типа, о нём сказано ниже).

2. Рейки вымачивались в воде в течение 1–2 недель. Воду периодически заменяли, предупреждая её застывание и цветение. Рейки лежали на дне ровного жёлоба под грузом, чтобы не всплывали и не деформировались.

3. Предварительно вымоченная рейка обрабатывалась паром в термотрубе в течение часа.

4. Очень быстро, в перчатках, чтобы не обжечься, гнули рейку вокруг деревянного цилиндра, быстро забивая клинышки снаружи будущего обода. Потом всю конструкцию следовало дотянуть верёвкой, или резиной, или иным материалом. Хороший эффект дала гибкая тонкая металлическая полоса, закреплявшаяся во время гнутья снаружи рейки. В нашем случае это была сталистая метровая линейка. Она равномерно стягивала по наружной стороне сгибаемую рейку и предупреждала мелкие трещины, не давая рейке заламываться. Позже мы стали заранее нагревать эту линейку до терпимых руками температур, чтобы металл не отнимал у распаренной рейки тепло.

5. Небольшие наружные заломы древесины можно уплотнить и выправить дополнительными клинышками. Позже неровности легко

проклеить и ошкурить. Высохнув, они станут незаметны под стягивающей обод бубна кожей. Если первый опыт не дал желаемого результата, не стоит огорчаться: из неудачно согнутого обода вполне можно сделать несколько «косточек» – вставок для других бубнов.

6. После высыхания (через несколько дней) обод можно снять с цилиндра. Обрато он уже не разогнётся. Если работа не будет продолжена сразу, желательнo соединить концы внакладку хотя бы временной перетяжкой и положить обод под небольшой груз на плоскости. Это не даст ему изогнуться по типу «восьмёрки»: поскольку древесина сохнет очень долго, внутреннее напряжение может «повести», деформировать предмет и спустя несколько месяцев.

Следующий этап – превратить рейку в обечайку бубна

1. Чтобы соединить края обода, нужно определиться с методом крепления. Возможен одинарный внахлест, как на бубне ХКМ КП 2794 и двойной со вставкой к'аг'нах' как на бубне МЕК 30705 (эта деталь переводится с алеутского языка как «костяк», «каркас», «косточка»). Поскольку рейка легла ровно и не повредилась при гнутье, решили делать внахлест (метод крепления с «косточкой» описан в статье Татаренковой «Бубны командорских алеутов» [3]). В любом случае необходимо сделать косой срез (или срезы), обеспечивающий плотное соединение внахлест краёв обода друг с другом. Этот срез должен быть достаточно длинным, 7–8 см. Для уверенности фиксации мы упрочили склейку клеем ПВА (в полевых условиях используют рыбий клей).

2. В месте соединения краёв рейки мы сначала просверлили, а потом и вырезали ножом 4 отверстия. Они расположены аналогично тому, как это сделано на аутентичных бубнах. Если выбрана обечайка с переходником-«косточкой», то таких отверстий будет сделано по 4 с каждой стороны. Отверстия не должны попадать на жёлоб, где толщина обода наименьшая (5–7 мм). По центру «косточки» делается ещё 4 таких отверстия – для дальнейшего крепления ручки бубна. В случае простого соединения внахлест ручка может быть прикреплена двумя вариантами:

1) Непосредственно в месте соединения краёв обода внахлест. Тогда 4 отверстия, соединяющие края обода, являются одновременно и местом крепления ручки, как в бубне ХКМ КП 2794.

2) Ручка может быть прикреплена несколько в стороне от соединения краёв рейки, как в

бубне NMNH E73020 (сбор Леонарда Стейнегера, 1882 г. Мы в разное время воспроизвели все три варианта).

3. Далее с наружной стороны обечайки следовало сделать жёлоб (паз). Этот паз проходил по всей длине рейки в ее центральной части. Паз легко прорезать с помощью полукруглой стамески. В него должно поместиться несколько витков верёвки при натягивании обтяжки бубна. Паз должен быть гладким и не цеплять материал обтяжки. В современных условиях этого легче всего достичь, работая круглым напильником. Глубина паза, судя по аутентичным бубнам, составляла примерно 3–4 мм, а ширина – треть обода, то есть тоже около 4 мм.

4. Обечайку бубна прошили заранее подготовленной верёвочкой через прорезанные отверстия аналогично тому, как это сделано на аутентичных предметах.

5. Необязательным (в зависимости от качества и вида древесины), но желательным является промасливание обода и/или вошение его поверхности. Из всех натуральных растительных масел, которые мы пробовали (льняное, подсолнечное, оливковое, рыжиковое, горчичное), наилучшим оказалось горчичное. Оно даёт приятную естественную окраску, со временем не темнеет (как натуральная олифа) и легко впитывается, не оставляя жирных пятен. Прожиливали ли алеуты свои предметы животными жирами, сказать трудно, но это весьма вероятно в условиях постоянной высокой влажности климата.

Следующим этапом была натяжка кожи, то есть создание звонкого, красиво звучащего алеутского бубна

Работа по поиску природного материала для натяжки бубна осложнялась невозможностью найти кишечный материал сивуча. Для того чтобы бубен «заработал», мы стали выделывать доступную нам сырую кожу (козью и бычью) и бычий мочевоy пузырь. Прозрачный бычий пузырь в сухом состоянии оказался слишком тонким и непрочным. Такой материал пригоден для изготовления кишечных нитей на миниатюрные камлейки гребцов в моделях байдарок, но не для бубна. Оставалось выделывать кожу. Полноценной выделкой кожи эту работу назвать нельзя, так как не требуются такие этапы, как пикелевание, соление, квашение, разминание и дубление. Нужно было только отмедзрить, отмочить, обезжирить и обезволосить шкуру, а затем максимально растянуть. В зависимости от качества шкуры, следовало её разбить и подрезать, то

есть расколоть по толщине так, чтобы оставить полупрозрачной, сохранить прочность и упругость, но не позволить в дальнейшем ссыхаться и деформировать изделие.

Работа по коже для бубна также состояла из нескольких этапов

1. Сырую шкуру козы мы отмездрили стандартным способом – на станке с помощью дугообразного двуручного мездрильного ножа аккуратно, стараясь не повредить ножом, сняли слой мяса, жира, сухожилий, подкожной клетчатки.

2. После мездрения шкура отмокала несколько дней в слабом растворе золы и мочевины. Зольный раствор должен быть отстоянный и процеженный – не осевшие частички угля и сажи могут покрасить и загрязнить мездру. Раствор ежедневно перемешивали, часть волоса удаляли, наиболее тонкий край шкуры проверяли на прочность. Этот этап трудно описать, так как его длительность зависит от температуры воздуха, времени года, степени линьки животного, его вида, пола, возраста, толщины шкуры и прочих физиологических особенностей. Следует ежедневно проверять, как сходит волос, не закисает ли шкура, не начинаются ли процессы гниения.

3. После того, как сошёл весь волос, шкуру тщательно промыли.

4. Этап разбивки – шкуру с обеих сторон вторично обрабатывали на ручном станке тупым мездрильным двуручным ножом. Счищали не вышедшие волосы, выдавливали остатки жира и не снятые при первичной мездровке слои подкожной клетчатки.

5. Сушка. Шкура была растянута для просушки на фанере и прибита по краю гвоздями. Чтобы сушка шла равномерно с обеих сторон, шкуру слегка приподняли на гвоздях, оторвав от поверхности фанеры.

6. Полностью высушенную шкуру отшлифовали со стороны мездры с помощью мелкозернистой наждачной бумаги. На тех местах, которые были явно толще других, сняли избыток кожи (толщины хорошо заметны: основная часть шкуры выглядела прозрачной, а утолщения – матовыми).

Следующий этап – верёвочная сборка и натяжка кожи на бубен

Для обтяжки бубна следовало сначала решить, каким шнуром или верёвкой мы будем это делать. Недоступные на тот момент сухожилия и кишечные полосы морского зверя те-

оретически мы могли заменить на кишечный материал домашних копытных, но последний сильно отличается от искомого. В описании командорских бубнов встречаются также хлопчатобумажные шнуры. В жизнь алеутов в период контакта с европейцами вошли пеньковые и льняные нити и верёвки, широко распространённые на флоте и в быту. Для большей износостойкости и создания водоотталкивающих свойств верёвки следовало прожиривать. В наших условиях эффект прожиривания легко достигнуть путём вощения. Серая, не выбеленная и навощённая льняная нить, скрученная витым канатиком разной толщины (в 2, 4 или 8 сложений), оказалась очень похожа на то, как выглядят кишечные верёвочки на многих музейных предметах. Мы остановились на этом варианте и сделали льняную вощёную верёвку основным крепёжным материалом для сшивания обода и крепления кожи на бубне. Для крепления ручки одного из бубнов мы тонко нарезали полоски (1–2 мм) той же кожи козы, которую использовали для обтяжки бубна. Также возможно использование джутовой верёвки – она выглядит похоже на пеньковую, практически вышедшую из употребления из-за запрета на выращивание конопли.

1. Перед натяжкой на обечайку кожу следовало раскроить. Для этого сухую кожу вырезали по размеру с учётом подворота и технического края, который в дальнейшем следовало обрезать. После этого кожу размочили.

2. Обечайку уложили на кожу со стороны мездры. С помощью шила прокололи отверстия у края кожи. Иглой и вспомогательной (достаточно толстой) нитью стянули кожу изнутри через условный центр бубна, натягивая и направляя по всему периметру. Тонкую нить лучше не использовать, поскольку при натяжке она может прорезать кожу.

3. Льняной шнур был дважды пропущен по жёлобу обечайки поверх кожи и сильно затянут. Если в процессе работы кожа подсыхала и не продавливалась внутрь жёлоба, её требовалось размачивать, а шнур вдавливать, почти вколачивая внутрь жёлоба. Узел делался в таком месте, чтобы его утолщение не мешало установке ручки на последнем этапе изготовления бубна. Далее кожу медленно и равномерно натягивали по всему периметру с помощью вспомогательной нити внутри бубна. Шнур мы продолжали затягивать с помощью вращения вставленной под него шпильки. В современных условиях можно вместо натурального тянущегося шнура

использовать для этой первой внутренней стяжки любую синтетическую верёвку, так как она прочна и не тянется при увлажнении. Благодаря подвороту кожи, эту верёвку не будет видно, она окажется внутри, но зато будет обеспечена большая прочность и долговечность предмета.

4. Когда кожа высохла, мы обрезали её внутреннюю часть вместе со вспомогательной натяжной нитью, оставив полоску в 2–3 см для подворота. Край кожи увлажнили и, загнув его на обод бубна поверх двух оборотов первого, внутреннего, шнура, затагнули поверх наружный шнур, также обернув его дважды и стараясь попасть в желобок между двумя внутренними шнурами.

После этого наступает этап крепления ручки

Ручки командорских бубнов были деревянными, относительно простыми, недлинными (20–30 см), двух типов: прямая, иногда с небольшим утолщением на самом конце, и несколько изогнутая, немного похожая по силуэту на топорище. Головка ручки надевалась поверх обода с уже обтянутой кожей со стороны внутренней поверхности бубна и закреплялась шнуром через проделанные для этого отверстия. Иногда верх ручки украшала небольшая деревянная личина, как это видно на бубнах народа аляутик (МАЭ. 571-96). И. П. Вьюев, не преследуя цель сделать точную копию того или иного музейного предмета, вырезал несколько различных образцов с анималистическим изображением животных – нерпы и песца (в кости), а также с антропоморфным изображением головы нерпы – в стиле условной маски (в кости и в дереве). Одна из ручек повторила маску, представленную на страницах каталога коллекции Кунсткамеры «Эскимосы. Аляутик» (МАЭ. 571-26/а). Раскраска ручек была сделана по аналогии с раскраской кадьякских предметов – чёрной и красной красками. Костяные фигурки пришивались теми же льняными верёвочками, которые использовались при креплении кожи, другие посадили на штырки с клеем.

Для уплотнения и предотвращения скольжения в некоторых случаях мы клали на обод

под ручку тонкий слой бересты. На музейных бубнах этот уплотнитель не виден, однако известно, что алеуты и другие народы Северной Пацифики часто использовали бересту в креплениях промысловых дротиков (разнообразных «стрелок») [4, с. 47], а также в моделях байдарок. Прошивку вокруг ручки делали по уже имевшимся в ободке отверстиям, прокалывая натянутую на обод кожу. Благодаря природным свойствам бересты, ручка, прикреплённая к ободу только верёвочками, укрепилась на своём месте гораздо более плотно.

На одном из бубнов с внутренней стороны инструмента мы сделали натяжку из двух нитей с нанизанными зубами морского котика и бусинами между ними. По одним свидетельствам, командорский бубен «чайях» имел три струны с нанизанными на них зубами котика, это был ударно-шумовой инструмент. По другим свидетельствам, слово чагах обозначало дерево, из которого изготавливалась некая алеутская балалайка, по струнам которой играли смычком [3, с. 187]. Наша практическая работа показала, что смычком играть на этих струнах невозможно. С точки зрения звучания бубна, струны с нанизанными зубами дают довольно тихий звук. Возможно, чтобы создавался нужный звуковой эффект, зубов должно быть больше. Всё, что связано с инструментами группы «чайях», требует дополнительного исследования, в первую очередь, практического.

В заключение следует сказать, что звук того бубна, который был сделан с помощью кожи козы, довольно звонок и глубок. Звук отличается при ударе по центру, ближе к краю или по ободу, и даже по разным частям обода. Он меняется при повороте самого бубна вокруг своей оси и зависит от его положения и направленности на слушателя. Звук меняется также в зависимости от того, чем бьют в бубен – скорее всего, колотушки должны быть разные. Мы планируем продолжить эту работу. Если когда-нибудь будет сделан настоящий бубен из кишечного материала сивуча или иного морского животного, то мы услышим и массу новых звучаний этого инструмента, неизменного атрибута прежних алеутских игрищ.

1. Алеуты. Каталог коллекций Кунсткамеры / авт.-сост. С. А. Корсун. СПб. : Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, 2014. 384 с.
2. Эскимосы Аляутик. Каталог коллекций Кунсткамеры / авт.-сост. С. А. Корсун. СПб. : Наука, 2010. 464 с.
3. Татаренкова Н. А. Бубны командорских алеутов // Девятые Гродековские чтения : материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию начала Гражданской войны в России. Хабаровск, 2018. Т. III. С. 183–188.
4. Она же. Возрождая традиции: портретные куклы «Алеут и Алеутка». Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2020. 96 с.